

По многочисленным просьбам наших читателей мы начинаем повторение рассказов из новой книги Ариши Зимы «Однажды... Часть вторая».

***«Средь суеты и рутины бумажной в каждой судьбе возникает Однажды...»***

**С того момента, когда мы начинаем говорить, то произносим сотни тысяч слов. С возрастом пытаемся высказывать свои мысли, защищать убеждения, отвечаем на чужие вопросы и задаем свои, признаемся в любви, просим прощения, ругаемся, молимся, читаем вслух и поем. Только со временем начинаем понимать, какие последствия имеют наши слова, приносят они пользу или вред, дарят собеседникам свет либо погружают во тьму. Но, к сожалению, не все осознают, что слова подобны бумерангу, который всегда возвращается...**

Мои родители познакомились, когда были молодыми студентами. Мама мечтала стать учителем рисования, папа планировал получить диплом технолога молочной продукции. Они любили друг друга, но не спешили со свадьбой, оба сначала хотели получить высшее образование, потом решить, куда отправиться трудиться, будучи одной семьей. Но на последнем курсе института мама поняла, что беременная. Эта новость безумно расстроила ее: отсутствие законченного образования, своего угла, денег на планирование новой жизни привело к мысли, что ребенок был совершенно некстати. Она решила на аборт. У врача в поликлинике попросила направление на анализы для операции. К счастью, на приеме в женской консультации дежурила пожилая, но очень мудрая женщина. Врач предупредила о возможном бесплодии после прерывания беременности и поругала за мысли и слова об избавлении от крошечного плода любви. Мама решила, что будет рожать. В сибирских деревнях, откуда были родом мои родители, считалось недопустимым выходить замуж с животом, поэтому молодые решили срочно расписаться. Родители студенческой пары помогли провести свадьбу и обустроили комнату в общежитии.

Беременность проходила без осложнений. Перед родами родители даже успели сдать государственные экзамены и успешно защитить дипломы. Но последствия длительного предэкзаменационного волнения дали о себе знать, роды начались раньше срока. После трех суток родовых мук на свет появился мальчик, который не дышал. Врачи пытались реанимировать маленькое синенькое тельце, но все попытки были тщетны. Для мамы жизнь на время остановилось. Боль в теле после родов оказалась ерундой по сравнению с болью в сердце от мыслей о не подающем признаков жизни ребенке. Она

взывала о помощи и громко проклинала себя за то, что когда-то пожелала избавиться от своего ребенка. Врачи, окаменевшие от происходящего, услышав мамин крик, вдруг будто очнулись и смогли «завести» дыхание малышу. Так на свет появился я...

Почти сразу после рождения у меня диагностировали бронхиальную астму. Врачи уверяли, что причиной недуга явился слабый иммунитет недоношенного дитя, но мама была уверена, что эти проблемы были связаны с нарушением правил оказания помощи при родах, ведь при первом моем вздохе я не кричал, как все дети, а просто кряхтел, будто маленький старичок.

Тяжелые приступы удушья пугали моих родителей. Вскоре они приняли решение сменить место жительства. В надежде, что моя болезнь отступит, мы уехали жить в небольшой поселок на Черноморском побережье. Отец смог устроиться на местный молокозавод, мама, просидев положенное время в декрете, устроилась в дом культуры. Через год родителям предоставили служебную квартиру в доме на краю поселка. Спустя несколько лет поселок разросся, поэтому наш дом оказался практически в его центре.

Переезд действительно помог преодолеть астму, но в детстве все обыкновенные простуды непременно заканчивались бронхитом. Вместе с антибиотиками врачи предписали делать ингаляции. Когда я болел, рядом с моей кроватью всегда появлялась странная стеклянная конструкция, в которую мама наливала эфирные масла и заставляла дышать этими парами. Бульканье в приборе меня веселило, но после процедур во рту всегда оставалась неприятная горечь.

В десять лет врачи обнаружили у меня редкую разновидность сердечной недостаточности. Запретив тяжелые нагрузки, дали предписание дважды в год ложиться в районный стационар для медикаментозного поддержания работы сердца. К уколам и капельницам я был приучен с детства, поэтому появление в больнице меня не пугало. Жалко было маму, которая всегда тихонько плакала, когда собирала мои вещи в стационар.

Однажды в больнице решили использовать иную схему профилактики моей болезни сердца, но проверять реакцию на препараты не стали. Ночью со мной случился анафилактический шок. Несколько часов врачи боролись за мою жизнь. Последствия этого эксперимента тяжело отразились на моем здоровье: я резко потерял в весе, с

трудом перемещался. Мой лечащий врач только разводил руками. Из города пригласили кардиолога. По приезду он предупредил меня, что вызвал в больницу родителей. Никогда прежде я не видел, чтобы мама так горько плакала. Она гладила меня по мокрой от пота голове и убеждала, что все обойдется. Папа выкрикивал проклятья в адрес каких-то непонятных эскулапов. Когда мама запретила отцу ругаться, он побухтел еще немного и пообещал подарить мне собаку, о которой я так мечтал...

Через несколько дней меня посетил кардиолог теперь уже из краевой больницы. Молодой веселый мужчина был обладателем невероятно огромных и сильных рук. Он назвал меня бойцом с необычным сердцем. Долго расспрашивал про детство, соседских друзей, семью, любимое варенье и собаку, которую я с раннего детства мечтал завести. В заключение доктор объяснил, что, согласно анализам, со мной все в порядке, только если я хочу поскорее выписаться домой, должен кушать как настоящий мужчина, а не птенец. Потом он внимательно посмотрел на меня и, показывая мощные бицепсы, сказал, что, если я хочу быть таким же сильным, как он, должен каждый день заниматься лечебной физкультурной и плаванием. Я не знал, как исполнить последнюю рекомендацию, ведь мама запрещала мне без взрослых бегать на море. Папа плавать не умел и боялся воды. Для мамы вода Черного моря не казалась притягательной и наши семейные прогулки в основном ограничивались пикниками на суше. Доктор почувствовал мое замешательство и произнес: «Дай мне слово, что станешь сильным!» В ответ я утвердительно кивнул. Мужчина грозно посмотрел на меня, обещание пришлось произнести вслух. Чтобы немного разрядить обстановку, врач рассказал пару смешных анекдотов, напомнив напоследок, что настоящие мужчины держат свое слово, и пообещал заглянуть на следующий день.

Разговор с врачом немного утомил меня, но в голове все время кружили его слова и мое обещание. Никогда отец не разговаривал со мной в таком уважительном тоне. Он любил меня, но всегда относился ко мне, будто я маленький несмышлениш. Впервые в жизни больше всего на свете мне захотелось стать сильным настоящим мужчиной. Ужинать в больничный буфет я отправился на своих ногах. Каша в тот вечер оказалась невероятно вкусной. Приезд врача повлиял на меню больницы и мой аппетит, повара стали очень вкусно готовить. Мои соседи по больничной палате жарко спорили по этому поводу. Но с тех пор я старался ничего не оставлять в тарелке...

Я быстро пошел на поправку и через две недели меня выписали. Рассказав родителям о рекомендациях кардиолога, я надеялся, что они помогут мне преодолеть страх перед бескрайним морем. Отец без особого интереса выслушал меня и сказал, что из-за болезни я скатился на тройки, поэтому должен был вплотную заняться учебой, а не этой ерундой, которую посоветовал врач. «Мало мы с мамой не вылезаем из больницы и поликлиник, устали от твоих болячек, не хватало, чтобы ты еще и утонул», – напоследок

сказал отец. Тогда я напомнил про обещание завести собаку, которая будет сопровождать меня на утренней пробежке, на что получил короткий ответ: «Закончи учебный год без троек, потом посмотрим, тем более собака для бега совершенно не нужна».

Впервые в жизни мне было обидно и досадно. Мама пыталась успокоить меня, объяснить, что отца уволили, его надо было понять и не держать обиду. Но его слова отозвались горечью в моей душе. Несмотря на это я все рано решил сдержать свое слово.

Тайком от родителей я стал бегать на море. Чтобы не оставлять мокрых «улик», брал запасные плавки с собой. Плавание давалось мне нелегко. Сначала я просто боялся воды, все время болтался у прибрежки, опасался волн, терпеть не мог медуз. Но однажды я познакомился с пожилым мужчиной (мне тогда казалось, что он был старым, хотя значительно позже я понял, что ему не было и пятидесяти лет), его звали дядя Боря. Подтянутый сухопарый пловец купался в море при любой погоде и «настроении» воды. Его техника плавания, насколько я мог судить, и выносливость меня восхищали. Я попросил научить меня так же плавать. Дядя Боря был немногословен, спросил только, почему я не учусь у отца. В ответ я рассказал про рекомендации врача, нелюбовь родителя к стихии и острой необходимости стать настоящим мужчиной. Дядя Боря посмеялся и взялся меня обучать. По моим рассеченным от камней стопам и влажным от воды трусам мама быстро обо всем догадалась. Ругаться не стала, но предложила составить мне компанию, сказав отцу, что по утрам решила заняться бегом трусцой вместе со мной. На следующий день я познакомил маму с дядей Борей. К моему огромному удивлению он меня очень хвалил, говорил, что никогда раньше не видел такого целеустремленного и отважного мальчика, который непременно станет настоящим мужчиной. Мама гордилась мной, а я решил поставить новый рекорд. Учебный год я закончил с одной тройкой по русскому языку, за что естественно был лишен права обладать собакой, но уже к августу месяцу мог без напряжения проплыть пятьсот метров и продержаться под водой почти полторы минуты.

Я перестал пить лекарства, в поликлинике почти не появлялся, но эти успехи родители будто не замечали, они стали часто ссориться по пустякам. Вскоре главной темой для скандалов стали сплетни неизвестных нам приятелей, которые якобы видели маму рядом с другим мужчиной в разных местах и в разное время суток. Сначала мама пеняла на безработицу отцу, но со временем перестала искать причину его грубости. Иногда она плакала, но по-прежнему каждый день отправлялась вместе со мной к морю. Пристрастить маму к плаванию мы с дядей Борей не смогли, вместо водных процедур она стала делать чудесные наброски набегающих волн, хотя всю жизнь утверждала, что являлась портретисткой. За годы работы в доме культуры она смогла стать старшим

методистом, но несмотря на административную работу, набирала детей для преподавания живописи. Свои наброски отцу объясняла частыми пленэрами, но приступы ревности не позволяли ему оценить талант супруги.

Все лето отец тщетно пытался найти работу. В конце девяностых годов прошлого века наш поселок был в полном запустении. Туризм развивался вяло, все мечтали непременно отдыхать в Крыму или Сочи, единственный совхоз развалился, предприятия по производству продуктов дышали на ладан. Заниматься частным извозом отец не хотел, работу грузчика в универмаге считал унижительной, к строительству и подсобному хозяйству не имел тяги. Окончательно измучив нас с мамой скандалами, а себя бездельем, отец написал письма своим институтским друзьям. Они стали звать его в город, где закончили вуз, и удивлялись его выбору места жительства, ведь, по их мнению, это было настоящим захолустьем. Вернуться туда, где климат мог повлиять на мое здоровье, мама отказалась. Устав от безденежья и напряжения в семье, она предложила папе одному съездить к друзьям и попробовать там найти работу. При прощании на вокзале никто из нас грусти не испытывал. Когда поезд тронулся, мама улыбнулась и предложила сходить на море, которое, из-за сборов отца в поездку, мы не видели больше недели...

После отъезда отца мама немного преобразилась, стала чаще улыбаться. Дядю Борю мы больше не встречали, но сами с удовольствием ходили на пляж. К началу учебного года я сильно изменился: загар красиво оттенял мои голубые глаза, волосы выгорели на солнце, сделав меня настоящим блондином. Примерив прошлогодние школьные брюки, мы с мамой поняли, что за лето я вырос на целых десять сантиментов. В конце августа врач в поликлинике потребовала обратиться в стационар и проверить состояние сердца, ведь с кардиологического учета меня так и не сняли. Уговоры не отправлять меня в больницу на маму не действовали. Собрав привычную сумку вещей, я поехал в ненавистную лечебницу.

С порога я стал шутить и убеждать врачей, что здоров и весел. У меня взяли все анализы, разместили в палате и предупредили о посещении краевого кардиолога. Новость о встрече с понравившимся мне доктором обрадовала. Я хотел поделиться своими успехами и никак не мог заснуть. Ночью решил прогуляться по больничному коридору. Заглядывая в палаты, я видел измученные больные лица детей разных возрастов. Кто-то лежал под капельницей, у кого-то от ожогов были забинтованы руки и ноги, кто-то просто тихонько плакал. Моя довольная, пышущая здоровьем улыбка моментально исчезла. Я совсем забыл, что каких-то полгода назад также лежал на больничной койке и больше походил на скрюченный скелетик, чем на ребенка. В глубине коридора я услышал обрывки разговора женщин в белых халатах. «Утром позвони Сергею Ивановичу, главврач хочет попросить за Кузнецову из шестой, похоже, других

шансов нет...» – сказала полная женщина. «Поняла», – ответила другая. Зато я ничего не понял, посочувствовал девочке из шестой, у которой не было шансов, и поплелся в палату, чтобы немного поспать.

Через несколько дней ко мне пришел щуплый гнусавый неизвестный мне доктор. Он стал слушать мое сердце, считать пульс. Посмотрел на меня и отметил, что мой сложный диагноз не поддается лечению и подлежит постоянному наблюдению. Улучшение работы легких и сердца, скачок в росте говорил о хорошей динамике течения болезни. Я не мог поверить его словам, требовал пригласить того самого веселого врача с большими руками, которому я обещал стать настоящим мужчиной. Кардиолог ответил, что не знает, о ком я говорю, прописал мне лекарства, сказал как их пить и вышел из палаты.

Несколько минут я находился в ступоре, потом выскочил в коридор. Нашел ту самую полную женщину в белом халате, которую встретил накануне ночью, и стал требовать объяснений, где мой настоящий доктор. По описанию пышная медицинская сестра поняла, о ком я говорил, засмеялась и сказала, что это Сергей Иванович, который вовсе не доктор, вернее доктор, но не кардиолог. Он физиотерапевт из соседнего санатория для детей, больных церебральным параличом. Женщина предположила, что полгода назад врачи не знали, чем мне помочь, вызвали родителей, чтобы предупредить о несчастье. Но напоследок решили пригласить того самого Сергея Ивановича. Работа с тяжелыми, порой безнадежными детьми привела его к мысли, что только сила воли самого ребенка и желание выжить смогут его спасти. В помощники Сергей Иванович выбрал Черное море, которое сам обожал, но всегда всех предупреждал, что это все-таки беспощадная стихия. Медсестра напоследок предупредила, чтобы я не менял свой образ жизни, о котором рассказал мне местный «волшебник», но не забывал выполнять рекомендации настоящего кардиолога...

Я не знал, радоваться мне или нет, и растерянно сказал спасибо. Женщина расплылась в улыбке, пожелала здоровья и отправилась раздавать таблетки. Следующие несколько дней я исправно пил витамины, какую-то вонючую микстуру и в конце недели, так и не повидавшись с Сергеем Ивановичем, отправился домой.

Мой рассказ о физиотерапевте удивил маму, она с невероятным теплом и нежностью говорила о мужчинах, спасших мне жизнь. Бориса Аркадьевича и Сергея Ивановича она благодарила за то, что они научили меня верить в себя. Но вдруг она загрустила, в ее глазах я увидел слезы. Перепугавшись не на шутку, я стал утешать маму рассказами о том, что обязательно преодолею свой недуг и смогу стать настоящим мужчиной. Мама

грустно улыбнулась, ласково погладила меня по щеке и сказала, что верит мне, но огорчается из-за отца, который письмом предупредил, что домой больше не вернется, потому что нашел лучшую жизнь и, видимо, другую женщину. Я ощущал напряжение в отношениях между родителями, но не думал, что отец так быстро захочет бросить нас и устроить свою жизнь. Мне захотелось прочитать это письмо, но мама наотрез отказалась его показывать. Теперь главной опорой в жизни мамы был я и осознание этого прибавило сил.

Через полгода отец вернулся домой, попросил у мамы прощения, попытался наладить отношения со мной. Мама его простила, но горечь от предательства еще долго отравляла им жизнь. Отец снова стал подозрительным, ему всюду мерещились измены мамы. Я видел, как возвращение мужа тяготило ее, но вмешиваться не стал. С нетерпением ждал мая для начала плавательного сезона и мечтал встретить дядю Борю, по которому сильно к тому времени соскучился.

Весна в том году пришла раньше обычного. К маю вода прогрелась до плюс 16 градусов и в первое солнечное майское утро я отправился на море. Резко бросаться в воду дядя Боря запрещал, он учил меня постепенно привыкать к температуре воды. Проведя весь ритуал по натиранию тела морской водой, я собирался погрузиться полностью, но вдруг сзади услышал знакомый голос: «Привет, ученик! Ничего не забыл – похвально». Обернувшись, я увидел дядю Борю. Я стал махать руками и приветствовать его. Учитель быстро скинул одежду и решил составить мне компанию. Заплыв сделали небольшой. Выйдя из воды, обнялись как родные. Он похвалил за сохранение формы, сказал, что я сильно вырос за этот неполный год, возмужал. Мне хотелось многое рассказать, но больше всего узнать, где дядя Боря пропадал столько времени. Оказалось, в год, когда мы встретились, у его матери, которая жила в нашем поселке, случился инсульт. Он оставил работу и приехал ухаживать за ней. В конце лета его мама умерла, оставив небольшой дом в наследство, а он вернулся в свой родной город. Сейчас приехал для оформления сделки по продаже дома.

Дядя Боря спросил про мое здоровье и, помешкав, издалека поинтересовался делами родителей. Я рассказал все без прикрас. Мужчина глубоко вздохнул и ответил, что атмосфера в доме обязательно наладится и родители снова будут родными людьми, так как они семья и воспитывают такого чудесного парня как я. Поблагодарив за участие в моей жизни, я поинтересовался, как долго дядя Боря задержится в поселке. Он пожал плечами и сказал, что обратный билет на поезд еще не покупал. Мы договорились по утрам встречаться в назначенном месте, и я отправился на занятия.

В школе, едва дождавшись, когда закончатся уроки, я поспешил домой. Мне хотелось поскорей рассказать маме об утренней встрече с Борисом Аркадьевичем. Но после занятий меня оставили судьей соревнований по волейболу. Вернулся я уже после семи вечера. Подходя к дому, в открытые окна я услышал громкий разговор моих родителей. Открыв ключом квартиру, понял, что они ругаются не на шутку. Мое появление не смутило отца, он без стеснения оскорблял маму грязными словами и кричал, что соседи видели, как она целовалась с другим мужчиной. Мама объясняла, что весь день была на работе, а соседи могли ошибиться. В ответ он пытался выяснить, с кем она спала в его отсутствие, требовал объяснений. Я попросил прекратить ссору, но ответ услышал поток грязи в свой адрес. Мама закрыла глаза руками и заплакала, разъяренный отец выскочил из дома. Я обнял ее и спросил: «Зачем ты его простила?» «Но ведь это твой отец, а мы семья», – захлебываясь от слез, ответила она. «Ты говоришь, как Борис Аркадьевич», – заявил я. Мама вдруг на минуту успокоилась, подняла на меня заплаканные глаза и робко спросила: «Он вернулся?..»

Я рассказал о нашей встрече и сообщил о договоренности встречаться, как прежде, по утрам. Мама, смахнув слезы, ответила, что завтра пойдет со мной. Я ничего не понял, но спорить не стал. В тот вечер мама больше не плакала, а отец не ночевал дома. Утром мы отправились на море. Их встреча показалась мне очень странной. Раньше я не замечал, как они смотрят друг на друга, но теперь видел, что между ними что-то происходит. После заплыва я быстро оделся и отправился на занятия, оставив их наедине. Переживая за маму, я забыл вовремя принять лекарства. Видимо поэтому, подойдя к доске, я почувствовал резкую боль в груди и упал в обморок.

Очнулся я в скорой помощи. Транспортировать до районного стационара меня не решились, отвезли в местную поликлинику, оборудованную дневным стационаром, где поставили капельницу и пару каких-то уколов. Через четверть часа мне стало гораздо лучше, я просил не говорить маме о моем приступе. Но в регистратуре дежурила очень щепетильная девушка, и к моменту стабилизации моего давления она все же сообщила маме про обморок. Через двадцать минут ко мне в палату заскочила перепуганная бледная и заплаканная мама. Я уверял ее, что все в порядке, но она была безутешна. Мама дежурила возле кровати, пока растворы в капельнице полностью не попали в мои вены. Врач, протягивая направление, порекомендовала не спеша идти домой, а утром ехать в стационар...

Встав с кушетки, я почувствовал легкое головокружение, но понимал, что могу идти. Мы вышли на воздух, мне вдруг снова стало нехорошо. По моим белым губам мама поняла, что нам нужно немного посидеть на лавочке. Но мне хотелось быстрее оказаться дома, поэтому я предложил нигде не останавливаться. Мама согласилась, но предложила опереться на нее. Мне было неловко от того, что такая хрупкая маленькая женщина

будет тащить дядину под метр восемьдесят. Она посмеялась, сказала, что для нее я всегда останусь маленьким, обхватила меня за талию, и мы пошли домой. Она прижималась ко мне и ругала себя за то, что не проконтролировала прием лекарств. Я успокаивал маму, говорил, что впредь буду осторожнее, постараюсь ее не расстраивать. С трудом добравшись до квартиры, я рухнул на свою кровать и уснул...

Вечером домой заявился отец, и с порога влепил маме пощечину. Он сказал, что ее видели днем на улице в обнимку с каким-то молодым высоким любовником, который обнимал ее и целовал в макушку. Сначала мама опешила, а потом, собрав все силы, ответила, что этим любовником был его сын, который сегодня чуть не умер. «Он у тебя вечно умирает», – закричал отец, «А ты совсем потеряла совесть и стыд, вмешивая ребенка в свои любовные дела». Спокойным и уравновешенным голосом мама ответила, что больше не любит отца и хочет с ним развестись. Отец, окончательно потеряв контроль, стал кричать громче обычного о том, что она испортила ему жизнь, поселив в этой дыре, превратила его в рогоносца, даже нормального ребенка не смогла родить. В ответ мама прошипела сквозь зубы, будто разъяренная змея: «ПОШЕЛ ВОН!» «Ну и пожалуйста, – закричал в ответ отец, – не хочу больше видеть ваши вечно кислые рожи...» Когда дверь за ним захлопнулась, мама села и горько заплакала.

Сон усилил действие лекарств, придав мне силы. Я встал с кровати и подошел к маме. Она просила прощения за услышанное и пообещала больше не стараться склеить семью, которой давно уже нет. Она смогла простить отцу измену, но этих гадких упреков больше прощать не собиралась.

Через несколько минут я спросил, давно ли она любит Бориса Аркадьевича. Мама сначала смутилась, даже немного покраснела, но потом объяснила, что всегда к нему испытывали только признательность за то, что помог укрепить мое необычное сердце. Она несколько раз встречалась с дядей Борей в кафе, но, кроме невинных поцелуев, между ними ничего не было. Я вопросительно посмотрел на маму, она резко встрепенулась, стала убеждать в правдивости своих слов, потом опомнилась и заявила, что не собирается это обсуждать со своим ребенком. Пытать маму я больше не стал, но по глазам понял, что, кроме благодарности, в ее душе уже давно таилось сильное чувство к мужчине, научившему меня любить море и стремиться бороться со своей болезнью. Только когда Борис Аркадьевич сделал маме предложение стать его женой, она призналась, что влюбилась в него сразу после того, как услышала слова похвалы в мой адрес и увидела трепетную заботу о чужом безнадежно больном мальчике, который не оправдал надежды собственного отца.

После окончания школы, я окончил медицинский вуз по специальности «физиотерапия», ординатуру проходил у Сергея Ивановича, с ним же остался работать в санатории для детей, больных церебральным параличом. Увидев крепкого здорового мужика, он не сразу меня узнал, но очень обрадовался моим успехам, стал настоящим наставником, делился своими профессиональными секретами. Мне встречались дети в основном с тяжелыми поражениями нервной системы. Но даже для тех, у кого не было шансов встать на ноги или выжить, я старался стать волшебником, заставив поверить в себя, подбирая те единственные слова, которые окрыляют и вселяют надежду.

Когда мне исполнилось двадцать пять лет, я узнал, что мой отец попал в аварию и ослеп. С тех пор как он ушел, хлопнув дверью, мы больше не виделись. Почти сразу он уехал в город, где учился, несколько раз пытался устроить свою личную жизнь. После аварии переехал к своим родителям в сибирскую деревню и до конца своих дней никого и никогда не видел...

***Ариша ЗИМА***